Международные процессы, Том 18, № 2 (61), сс. 110–121
DOI 10.17994/IT.2020.18.2.61.6

МАРТА ФИННЕМОР

«НАМ НУЖНО БЫЛО УБЕДИТЬ КОЛЛЕГ, ЧТО КОНСТРУКТИВИЗМ ОБЛАДАЕТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ...»

Марта Финнемор относится к числу ведущих современных представителей американского конструктивизма. Одной из первых она стала обращать внимание на значение международного окружения в формировании представлений о приемлемых и желательных целях национальной политики. В 1990-х годах совместно с Кэтрин Сиккинк она стала одним из пионеров исследований эволюции международных норм.

В 2004 г. её труд "The Purpose of Intervention" был отмечен премией Вудро Вильсона, присуждаемой Американской ассоциацией политической науки. Другая книга, "Rules for the World: International Organizations in Global Politcs", которую Марта Финнемор написала совместно с Майклом Барнеттом в 2007 году, была признана Академическим советом Организации Объединённых Наций лучшей книгой о системе ООН. В настоящее время в фокусе её исследований находятся политические аспекты регулирования в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Марта Финнемор закончила бакалавриат в Гарварде, магистратуры в Университете Сиднея и в Стэнфордском университете, защитив в последнем степень PhD. В настоящее время она занимает должность профессора политических наук и международных отношений в Университете Джорджа Вашингтона (США). Параллельно с активной научной и преподавательской работой профессор Финнемор состоит членом редакционной коллегии журнала International Organization – наиболее авторитетного издания по международным отношениям как по результатам опроса исследователей-международников, так и по библиометрическим показателям.

Первый заместитель главного редактора журнала «Международные процессы» Игорь Истомин встретился с профессором Финнемор в Москве осенью 2019 года. В ходе интервью он расспросил её о том, каким образом она пришла к конструктивизму, как новое теоретическое направление добивалось признания в академическом сообществе и каково современное состояние исследований влияния социальных представлений на международную политику.

В подготовке стенограммы и перевода интервью принимал участие И. Серов. В материале использована фотография Марты Финнемор, размещённая на её странице на сайте Университета Джорджа Вашингтона (https://elliott.gwu.edu/martha-finnemore).

И.И.: *Профессор Финнемор, для начала расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пришли в науку. Когда на рубеже 1980-х и 1990-х годов Вы начинали исследовательскую деятельность, в политологии господствовали теория рационального выбора и формальное моделирование, а главная разделительная линия проходила между неореализмом и неолиберализмом. Однако Вы нашли себя в кардинально другой части академического сообщества. Как Вы стали конструктивистом?*

М.Ф.: Помнится, на втором курсе аспирантуры мы должны были написать большую научную работу. А перед поступлением мне довелось работать в Конгрессе США, занимаясь вопросами науки и научной политики. Я поступила в аспирантуру с намерением написать диссертацию по своей теме: каким образом научные эксперты ведут диалог с политиками и как это общение влияет на существующие политические стратегии.

При работе над большим исследованием второго курса учёбы я сформулировала исследовательский вопрос таким образом: при каких условиях различные страны основывают национальные научные фонды[1], такие как у нас в Соединённых Штатах (не знаю точно, как это устроено в России)? Когда страны решают, что им необходимо организовать, мобилизовать и контролировать науку для достижения государственных целей?

ЮНЕСКО собирает данные по этим вопросам. Обратившись к ним, я просмотрела все страны и определила, в каком году они основывали свои национальные научные структуры. Я сформулировала хорошую гипотезу в духе рационализма и реализма: страны занимаются созданием подобных структур в случае угрозы их безопасности – то есть наука им нужна для ведения войны. Или же такие организации могут складываться в условиях индустриализации, когда государство пытается мобилизовать науку для экономического роста, чтобы стать богаче. Однако все эти гипотезы оказались неверны.

Я не обнаружила ни малейшей корреляции между формированием национальной научной бюрократии и какими-либо иными событиями в жизни государства. Я пришла к выводу, что основание научной бюрократии не было обусловлено национальными переменными, а происходило в подражание другим. Они создавались, особенно в развивающемся мире, в чрезвычайно короткий промежуток времени, причём даже тогда, когда в стране не было науки, которую нужно было регулировать.

К примеру, в Ботсване национальная научная организация была образована, когда по всей стране было только девять учёных. Они могли просто встречаться за обедом для обсуждения вопросов развития науки, не было необходимости в какой-то бюрократии. Именно это и натолкнуло меня на мысль: пожалуй, теории, которым меня учили, не могут объяснить вещи, которые я хочу понять.

В те времена факультет политических наук в Стэнфорде находился рядом с факультетом социологии. У них даже была общая столовая. Поэтому я подолгу беседовала с социологами, которые оказались очень приятными людьми и сразу разобрались в полученных мною результатах. Они сказали: «У нас есть подходящие теории. Мы думаем, мы понимаем, что происходит». И я заинтересовалась их теориями. В то самое время, когда я узнала о социологических исследованиях, такие конструктивисты, как Александр Вендт, Джон Ругги и Фредерик Кратковил, писали работы по политологии. Связь между их работами и социологией прослежива-

[1] Национальный научный фонд – государственное агентство США, финансирующее фундаментальные научные исследования; аналог РНФ и РФФИ.

[2] Александр Вендт (род. 1958) – профессор международных отношений Университета штата Огайо; Джон Г. Ругги (род. 1944) – профессор прав человека и международных отношений Школы управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета; Фредерик Кратоквил (род. 1944) – профессор Центрального европейского университета.

лась довольно чёткая[2]. Таким вот забавным образом неудача моего первоначального проекта и рационалистских гипотез побудила меня избрать этот путь для исследования.

И.И.: *А почему, как Вам кажется, конструктивизм как особая школа мысли сформировался именно в то время, в конце 1980-х – 1990-х годах?*

М.Ф.: Как я уже сказала на лекции[3], на мой взгляд, это случилось во многом из-за неадекватности и провалов (или во всяком случае того, что воспринималось как провал) других научных подходов. Конец «холодной войны» стал самым важным политическим событием за период моей академической карьеры. Но существовавшие теории не могли объяснить его.

Если вы молодой исследователь, это очень удручает. Не только начинающие специалисты – все занимались поисками объяснений, поисками того, чего нам не хватает, что мы не понимаем. Поэтому, мне кажется, это большое событие, этот внешний шок повлиял на научную мысль. Он привёл к тому, что именитым теоретикам стало трудно защищать свои идеи.

Провалы предшествующей науки имели особенно сильное влияние на молодое поколение. Его представители стремятся создать себе репутацию, сделать имя, чтобы стать известными и признанными, для них открылись новые возможности. На мой взгляд, неудачи «старой гвардии» создали возможности для новых исследователей. В социологии нашей дисциплины (если мы можем мыслить такими категориями) конец «холодной войны» создал новую ситуацию, вынудив существующие теории защищать себя в тех аспектах, в которых их раньше едва ли можно было оспорить.

И.И.: *Мне кажется, есть небольшая несостыковка описания развития дисциплины и Вашего личного опыта. Вы ведь занимались деятельностью ЮНЕСКО в том числе в годы «холодной войны», а не только в контексте её завершения. Почему, как Вам кажется, никто ранее не обращал внимания на данные ЮНЕСКО? То же касается и Алекса Вендта – я не уверен, что в его статьях и книгах преобладают прямые отсылки к завершению «холодной войны». Многие конструктивисты не обращаются непосредственно к объяснению итогов «холодной войны».*

М.Ф.: ЮНЕСКО – это была моя личная страсть и увлечение. Я думаю, что наука особенно никого не интересует. Это была тема, которая больше никого среди исследователей международных отношений не интересовала.

Отвечая на Ваш более широкий вопрос, скажу, что важны внешние обстоятельства. Во-первых, Вендт не был первым. Такие люди, как Джон Рагги, Фредерик Кратковил, Николас Онуф, писали о конструктивизме в 1980-х годах, до того, как «холодная война» закончилась. Но им было трудно привлечь внимание к своим идеям. Они были обороняющейся стороной в конце 1980-х, потому что реалисты говорили «мы можем всё это объяснить», «вы нам не нужны», для них это была «неясная, неинтересная и неважная теория». На мой взгляд, идеи конструктивизма не претерпели радикальных изменений собственно под влиянием окончания «холодной войны». Изменилось положение исследователей, их профессиональные позиции и то, как велась научная дискуссия. Изменения были больше связаны с профессиональными стимулами в нашей области, а не с содержанием идей как таковых. По крайней мере, я это интерпретирую таким образом.

И.И.: *И Ваша диссертация, и Ваша первая книга, равно как и значительная часть Ваших последующих работ, были посвящены объяснению того, как государства начинают хотеть того, чего они хотят. Что побудило Вас не только обратиться к этой теме, но и продолжить ей заниматься?*

[3] В сентябре 2019 г. профессор Финнемор прочитала в МГИМО три лекции, посвящённые актуальным вопросам исследования международных норм.

М.Ф.: Когда я взялась за эту тему, меня интересовали исключительно наука и политика в области науки. Но после моего провалившегося большого эксперимента второго курса аспирантуры я начала беседовать с социологами, стала посещать занятия на социологическом факультете и поняла, что появившиеся идеи имеют более широкие приложения, не только к науке. Когда-то студенткой бакалавриата я изучала политическую философию. Многие социологические теории оказались тесно связаны с основными философскими понятиями, которые я осваивала как бакалавр. Эта взаимосвязь расширила мой кругозор, раскрыла во мне способность видеть новые возможности и побудила задуматься о постановке проблем.

Я поняла, что спектр вопросов, которые принято изучать в моей сфере исследований, чересчур узок. Исследования затрагивают совсем небольшую часть политики, а меня интересует гораздо более широкий анализ проблемы. Может быть, мне не стоило быть слишком смелой и идти на риск, но я была молодой, наивной и, наверное, неразумной, я не умела не рисковать – и рискнула. Думаю, это был больший риск, чем я тогда предполагала, но очень важно любить своё исследование. Иначе, проснувшись утром, вы не приступите к нему. Поэтому на меня действительно произвели большое впечатление и социологи, и конструктивисты.

Ещё одним важным обстоятельством стало то, что мой научный руководитель по диссертации Стивен Краснер подтолкнул меня к знакомству с ещё одним исследователем – Питером Катценштайном[4]. Более того, Краснер дал очень конкретный совет. В тот момент я хотела представить своё исследование на конференции Американской ассоциации политической науки: для молодого учёного это хорошее место, где можно получить известность и показать свою работу специалистам. Но я не знала, как добиться, чтобы мой доклад приняли на конференции. Краснер сказал, что для этого лучший способ – не предложить индивидуальную работу, а организовать целую сессию. В таком случае организаторам будет проще, им не придётся искать другие доклады для вашей секции. Вы делаете эту работу за них. Вы уже сразу предлагаете пакет, прекрасно вписывающийся в график, что облегчает задачу организаторам конференции. Тогда я спросила Краснера: «К кому же мне обратиться? Никого не интересует моя тема». Краснер ответил, что это будет интересно Питеру Катценштайну. Я не знала Катценштайна, не знала, заинтересуется ли он моей темой, но связалась с ним, и он согласился принять участие в сессии и выступить дискутантом. Катценштайн был очень авторитетным исследователем, отстаивающим конструктивистские идеи в международных отношениях, и его студенты тогда уже работали над проблемами, схожими с моей. Я этого не знала в отличие от моего научного руководителя. Со временем эта группа исследователей, включавшая Катценштайна, его студентов и таких исследователей, как я, опубликовала влиятельную книгу «Культура национальной безопасности»[5]. Эти специалисты стали крайне важными для меня. Внезапно у меня появились друзья-единомышленники, коллеги, работающие над моей темой, и был влиятельный специалист, представлявший нас в дисциплине.

[4] Стивен Краснер (род. 1942) – профессор политологии Стэндфордского университета, в 2005–2007 годах – директор по планированию политики Государственного департамента США. В 2018 г. в журнале «Вестник МГИМО-Университета» вышло интервью профессора Краснера (см.: *Краснер С.* Наиболее важные вопросы в науке о международных отношениях сегодня – это традиционные вопросы сравнительной политологии // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6. С. 7–12. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-7-12). Питер Катценштайн (род. 1945) – профессор политологии Корнельского университета, президент Американской ассоциации политических наук в 2008–2009 годах.

[5] The culture of national security: Norms and identity in world politics / ed. by P.J. Katzenstein. N.Y.: Columbia University Press, 1996. 562 p.

И.И.: *Примечательной особенностью Вашей книги «Национальные интересы в международном обществе» видится разнородность примеров, которые Вы исследуете. Они относятся к различным сферам, и многим исследователям в области международных отношений могут показаться неочевидными. Как Вы ищете подобные эмпирические случаи? Как Вы находите примеры для Ваших исследований?*

М.Ф.: В этом неловко признаться, но у меня нет очень хорошей системы поиска случаев для анализа. Первый исторический пример, который анализируется в книге, относился к теме моей диссертации. Мне нужно было опубликовать диссертацию в форме монографии, но я знала, что книга о научной политике не заинтересует широкую публику. Поэтому я пыталась найти случаи, которые позволят мне расширить целевую аудиторию. На мой взгляд, аргументы были крайне генерализируемыми, поэтому я хотела, чтобы большое число людей прочитали мою книгу.

Я постаралась выбрать различающиеся примеры для анализа. Я попыталась рассмотреть ситуацию из сферы политической экономии, чтобы заинтересовать тех, кто изучает экономику. На пример Всемирного банка я наткнулась, работая первый год в качестве преподавателя. Мне было поручено читать курс о международных организациях для бакалавров. До начала преподавания я ничего не знала о Всемирном банке, поэтому учебный процесс был для меня очень информативным, я многое узнала. Не знаю, можно ли то же самое сказать о моих студентах.

Что касается примера, связанного с деятельностью Красного Креста, то один из моих сокурсников был католическим священником, но тоже учился в аспирантуре. Он знал о Международном комитете Красного Креста и предположил, что это может стать хорошим эпизодом для изучения ситуации в сфере безопасности. Ваши сокурсники и коллеги часто могут дать прекрасный совет. Вы можете многое узнать от них.

И.И.: *Статья, посвящённая динамике международных норм, которую Вы опубликовали в соавторстве с Кэтрин Сиккинк в 1998 году, стала одной из самых цитируемых работ в дисциплине. Многие учёные признаются, что благодаря Вашему исследованию их восприятие норм изменилось. Как появилась модель «жизненного цикла» норм?*

М.Ф.: Думаю, здесь сыграли важную роль несколько обстоятельств. В первую очередь, исследование было опубликовано в специальном выпуске журнала *International Organization*. К своему пятидесятилетнему юбилею издание предложило трём прошлым редакторам подготовить этот номер. Эти три исследователя – Стивен Краснер, Роберт Кохейн[6] и Питер Катценштайн – пригласили ряд специалистов представить свои рукописи. Это не была стандартная процедура подачи материалов в журнал.

Я сама не получила приглашение. Думаю, все, кого пригласили, имели постоянный контракт в своих университетах и имели больше заслуг, чем я. Но у Кэтрин (Сиккинк) такой контракт был, и её пригласили. Мы хорошо знали друг друга. В то время мы не раз дискутировали относительно основ конструктивистской теории. Меня очень интересовали бюрократические аппараты и социальные структуры. Она исследовала вопросы, связанные с правами человека, она много писала об агентах, нормативных активистах, таких как правозащитники. У нас возникла взаимная симпатия. Мы думали, что все эти утверждения об идеях и конструктивизме крайне интересны. Мы обе писали и публиковались по отдельности на эти темы, но мы не могли прийти к общему мнению, что важнее – действия агентов или структуры.

В результате когда они получила приглашение от *International Organization*, Кэтрин обратилась ко мне с предложением: «Не могли бы мы совместно провести исследование, в котором мы бы попытались объединить оба подхода и понять, как они согласуются друг с другом?» Статья

[6] Роберт Кохейн (род. 1941) – профессор Принстонского университета.

о жизненном цикле норм стала результатом нашего стремления разобраться в проблеме. В нашей дисциплине работало не очень много женщин, и мы с Кэтрин стали близкими подругами, продолжали горячо спорить о нашей теме.

Она очень злилась, когда люди говорили, что всё определяется логикой соответствия, а агенты просто делают то, что правильно, уместно и принято. На это она отвечала: «Вовсе нет. Агенты, которыми я занимаюсь, осуществляют преобразования благодаря своему неподобающему поведению. Мои правозащитники пытаются воспрепятствовать устоявшемуся порядку вещей, подорвать его потому, что хотят чего-то другого». Я до сих пор вижу в нашей статье отражение тех баталий, которые мы вели.

И.И.: *Поколение конструктивистов 1990-х годов подвергалось критике со стороны последующих исследователей ввиду того, что предлагаемые модели были слишком статичными, слишком детерминистскими. Новые работы, посвящённые оспариванию норм, говорят о том, что нормы не настолько неизменны и постоянно подвергаются пересмотру. Что Вы думаете об этой критике?*

М.Ф.: Думаю, это справедливая критика. На мой взгляд, изменения происходят на двух уровнях. Первый – это изменения научных идей в дисциплине, изучающей международные отношения, а второй – перемены в идеях конструктивистов, которые работают в данной сфере. И они необязательно связаны. Теоретически, на уровне идей абсолютно верно, что ранние исследования были слишком сконцентрированы на статичном характере норм. На мой взгляд, причиной такой фокусировки стало то, что нам было необходимо убедить коллег в значимости конструктивизма как такового, в том, что аргументы о социальном конструкте в принципе обладают объяснительной силой. В то время в дисциплине доминировал структурализм, и а из исследователей – Кеннет Уолтц, который полностью был сосредоточен на структуре[7].

Один из способов заинтересовать этих людей было сказать: «Да, структура значима, но это структура другого типа – это структура идей». Объясняя модель жизненного цикла норм, мы говорили о стратегическом социальном конструировании. По иронии судьбы, ранние конструктивисты занимались стратегическим социальным конструированием исследования международных отношений. Как мы, молодые учёные, можем переубедить наших более именитых коллег, которые притом ещё и очень влиятельны? Как побудить их принять новые идеи? Мы очень вдумчиво подходили к участию в научных спорах, да и к выбору тем исследований. Мы проводили только те исследования, которые, по нашему мнению, самым убедительным образом бросят прямой вызов влиятельным исследователям.

Думаю, что теперь, спустя несколько десятилетий после баталий прошлого, гораздо больше возможностей вернуться к теории и задать тот самый вопрос, который Вы сформулировали: что на начальном этапе мы поняли неверно, что упустили? Предстоит ещё очень много работы, но, по крайней мере, сейчас мы можем публиковать наши исследования. Думаю, мы не могли опубликовать труд об оспаривании норм, не продемонстрировав влиятельным людям, что нормы вообще существуют. Этот аргумент не относится к процессу развития идей. Это было частью объяснения того, как сформировалась наша сфера исследований. Я могу обосновывать наш подход только этим.

И.И.: Конструктивизм обещал привнести в политическую науку изучение того, как происходят изменения. Реалистские построения часто рисовали статичную картину – Уолтц говорил исключительно о структуре и уделял мало внимания изменениям. Но о них и в предшествующие десятилетия говорили такие люди, как

[7] Кеннет Уолтц (1924–2013) – основатель направления неореализма, ставившего в центр объяснения материальную структуру соотношения потенциалов государств.

А.Ф.К. Органски, Яцек Куглер, Роберт Гилпин[8]. Не кажется ли Вам, что конструктивизм недооценивает модели изменений, предложенные другими исследовательскими направлениями? Не считаете ли Вы, что конструктивизм претендует на монополию в трактовке изменений?

М.Ф.: Думаю, конструктивизм хотел получить от Органски, Уолтца или кого бы то ни было ещё эндогенное объяснение изменений. То, как нам объясняли эти теории, предполагало, что изменения выступали экзогенными для выстраиваемых моделей. Надо было верить, что в конце XIX – начале XX века Германия магическим образом стала могущественной, а потом произошла Первая мировая война. Конструктивисты хотели детальнее изучить такие допущения магических изменений и говорили: «Нет, мы хотим разобраться в них и сделать их частью исследования. Мы хотим найти эндогенные объяснения того, каким образом меняется соотношение сил? Каковы механизмы этого изменения? Какими механизмами пользуются государства, чтобы использовать свою мощь для новых целей – целей, которые раньше они перед собой не ставили? Как это происходит?» В большинстве теорий мы должны были допускать, что это происходит вне модели. Мы просто брали новый лист бумаги и писали: «Сейчас мы в 1913 году, и Германия намного могущественнее, чем раньше». Но как мы пришли к 1913 году? То есть у нас было другое мировоззрение, конструктивисты ожидали от теории другого, чем предшественники. Я думаю, нас даже задевало то, что маститые учёные не замечали этих вопросов, считали их необоснованными. Говорю за себя: меня это раздражало. Я хотела знать ответы на эти вопросы.

И.И.: *Возвращаясь к модели жизненного цикла норм, которую мы обсуждали. Сейчас по этой теме ведётся гораздо больше дискуссий, не только о том, как нормы появляются, но и о том, как они устаревают и исчезают. Какова Ваша позиция по данному направлению исследований? Каков Ваш взгляд на современную дискуссию по этому вопросу?*

М.Ф.: На мой взгляд, это восхитительные исследования. Ряд специалистов подготовили действительно интересные работы на эту тему. Антье Виннер проделала большое исследование, посвящённое оспариванию норм. Наверное, она скажет примерно так: «Нормы постоянно находятся под угрозой, часто исходящей от дружественных источников, но часто и от враждебных». Также Уэйн Сандхольц из Университета Южной Калифорнии посвятил много времени изучению циклов норм, и его подход отличается от модели, которую разработали мы с Кэтрин. Он видит изменение норм как замкнутый цикл, и я нахожу его аргументацию крайне убедительной.

Например, он написал книгу о норме грабежа в ходе военных действий. Раньше это было абсолютно легитимным действием. Почему Лувр выглядит так, как он выглядит? Причина тому – войны Наполеона, в ходе которых он забирал в европейских странах лучшие образцы искусства и привозил в Париж. Это были военные трофеи, обычное дело для армии. Люди, конечно, не были этим довольны, но понимали, что такова сложившаяся практика. Если вернуться в XXI век, мы увидим огромное возмущение разграблением Багдадского музея. Это стало абсолютно нелегитимным и ужасным актом.

Сандхольца интересует, как разграбление стало неприемлемым актом для государства-завоевателя. Почему государства ограничивают себя после своих побед? Кто их останавливает? Меняется отношение к рассматриваемой норме, общее её понимание и ожидания от неё. Сандхольц представляет развитие норм как намного

[8] А.Ф.К. Органски (1923–1998) – профессор Университета Мичигана; Яцек Куглер (род. 1942) – профессор Университета Клермонта; Роберт Гилпин (1930–2018) – профессор Принстонского университета.

более цикличный процесс, но прежние модели поведения не исчезают полностью (как мы могли бы увидеть из иракского случая).

И.И.: *Вы представляете американский конструктивизм. Вместе с тем конструктивизм имеет крайне сильные позиции в Европе, однако традиционно европейские школы мысли значительно отличались от американских. Что Вы думаете о конструктивизме в этих двух регионах?*

М.Ф.: Я считаю европейский конструктивизм чрезвычайно привлекательным. Думаю, есть два отличия европейского конструктивизма от американского. Первое заключается в том, что в Европе конструктивистам никогда не приходилось бороться с чрезвычайно привязанными к экономике моделями, основанными на рациональном выборе. Эти модели, на мой взгляд, никогда не имели влияния и не были широко признаны в Европе. Поэтому, когда конструктивизм возник, ему оказалось легче получить поддержку здесь. Ему не приходилось тратить уйму времени на баталии со сторонниками других научных направлений. Конструктивисты могли быть услышанными, привлечь внимание без необходимости беспокоиться по поводу атак рационалистов. Европейцы могли делать то, что мы не могли себе позволить. И они это делали и продолжают делать очень хорошо до сих пор.

Я также считаю, что в Европе, а точнее в Германии и Франции, имеет место гораздо более глубокая, чем в американском академическом сообществе, привязанность к политической философии. Это им очень помогает. Зачастую эта привязанность делает их теории более изощрёнными, чем американские. Она позволяет им воспринимать широкий спектр объяснений, в частности связанных с критической теорией, которой оказалось трудно привлечь к себе внимание в Соединённых Штатах. Я завидую европейцам из-за того, что они нашли возможность исследовать более глубинные и богатые направления мысли.

Однако в американской традиции мне нравится неразрывная связь с актуальными политическими проблемами и эмпирическими исследованиями. В Европе существует тенденция к абстрагированию и теоретизации, особенно ярко проявляющаяся в различных подвидах критической теории. Я читаю подобные материалы и нахожу их интересными, но очень абстрактными. Возможно, это дело вкуса, но лично мне нравятся исследования, посвящённые проблемам, с которыми сталкиваются субъекты политики прямо сейчас. Случаи, когда я могу оценить, верно ли сказанное, подтверждается ли оно каким-то образом эмпирическими данными. В Европе, думаю, несколько иной стиль, более благожелательное отношение к исследованиям абстрактного и теоретического характера. Ни один из подходов не лучше другого. Я думаю, дело во вкусе, а не в том, что что-то верно, а что-то нет. Это по поводу отличий двух школ конструктивизма.

И.И.: *Ваша вторая книга «Цель интервенции» посвящена вопросам силы и насилия, что напрямую связано с реализмом. Вы делали попытки рассмотреть вопросы безопасности и в своей первой книге, описав истоки гуманитарного права. Принимая во внимание особые отношения между реализмом и безопасностью, что могут сказать конструктивисты по данным вопросам? В чём особенность их взглядов на силу и насилие?*

М.Ф.: Конструктивисты не принимают на веру многое из того, что реалисты видят не требующим доказательств. Например, у меня была очень хорошая студентка Ли Анн Фуджи, которая хотела лучше понять значение насилия – вопрос, который реалисты никогда не зададут. Её интересовало явление «излишнего летального насилия» – насилия большего, чем требовалось для достижения поставленных целей. Если в ходе геноцида в Руанде вы были бы хуту и просто хотели убить как можно большее число тутси, вы бы вышли среди ночи, перестреляли их и вернулись домой.

Однако убийства в Руанде происходили не так. Убийство было публичным явлением. Убийства совершались группами людей. Они носили особую одежду, пели песни и напевы, в то время как убивали. Это было некое действо. Здесь происходит нечто иное, а не просто насилие с общей целью «я хочу убить побольше людей». Убийцы пытаются получить от насилия что-то большее. Они хотели создать солидарность внутри группы радикалов хуту в рамках этнического националистического проекта.

Книга Ли Анн Фуджи, которая, я надеюсь, выйдет в следующем году, сравнивает насилие в Руанде с тем, что происходило на Балканах, с этническим радикализмом, который там возник. Она также проводит параллели с судами Линча в США. Если бы вы просто хотели убить чернокожих, вы бы расстреляли их, и готово. Но линчеватели поступали иначе: существовала особая церемония пыток и церемониальное действо. Это исследование стремится понять, как насилие соотносится с широкими социальными связями, глобальными обрядами приобщения и исключения. Насилие используется, чтобы заставить людей делать выбор в пользу одной из сторон, демонстрировать свою принадлежность и принуждать других выбирать, тех, кто изначально предпочёл бы не совершать такого выбора. Зачастую в локальных микросообществах национализм распространяется именно так. Пытаясь понять подобные явления и процессы, мы исследуем то, что многие реалисты принимали бы некритически. Микроосновы того, как происходят эти изменения, крайне интересны для конструктивизма. Не уверена, что реалисты непременно не согласятся, вопрос лишь в том, что их не интересует этот предмет исследования, и они не готовы им заниматься.

И.И.: *В США значительная часть исследований проводится не в столице, а в других частях страны, зачастую в маленьких, обособленных городках – своеобразных «академических гетто», в которых у специалистов есть возможность концентрироваться только на исследованиях. Вы работаете в Университете Джорджа Вашингтона в двух шагах от Государственного департамента. Как такая географическая близость к власти влияет на Вашу работу? Какие у этого преимущества и недостатки?*

М.Ф.: Думаю, здесь больше преимуществ. То, что я попала в Вашингтон, было чистой случайностью, но это оказалось невероятно полезным по двум причинам. Первая – когда я начинала карьеру, будучи доцентом, у меня было двое маленьких детей, что создавало трудности для длительных исследовательских поездок в отдалённые места. Однако у меня была возможность исследовать что-то в пешей доступности от офиса, чтобы успеть прийти домой и забрать малышей из детского сада. Всемирный банк находился через дорогу, а я занималась вопросами, касающимися Всемирного банка. МВФ тоже был через дорогу, и этой организацией я занималась.

К тому же (возможно, как и в Москве) в столице больше возможностей повстречать разных людей. В обществе и на вечеринках я знакомилась со своими друзьями и соседями, которые работали в потрясающих местах. Один из моих соседей, из немецкой семьи, работал в Международном валютном фонде, и на совместных ужинах, пикниках я получила самые разнообразные сведения о том, как в действительности работает Фонд. Мне они казались чрезвычайно интересными. Если бы я жила в маленьком городке или даже в Сан-Франциско или Лос-Анджелесе, у меня бы не было подобных источников информации.

Во время работы над книгой о военных интервенциях я была научным сотрудником Брукингского института, который тоже находится в Вашингтоне, недалеко от моего офиса. Некоторые из коллег были делегированы для проведения исследований в этом аналитическом центре из числа американских военных. И нам всем приходилось ходить в столовую на обед. Военные, только что вернувшиеся из опе-

раций в Сомали, на Гаити, в Боснии, рассказывали (во время того же обеда) о том, что в действительности происходило на месте. Они между делом упоминали различные факты, которые просто не приходили мне в голову.

Например, что во время этих операций у вооружённых сил Соединённых Штатов вообще не было возможности связаться с НПО, распространяющими помощь на месте. Военным приходилось пользоваться защищёнными переносными рациями и подобным коммуникационным оборудованием. При этом их миссия включала доставку продовольствия в Сомали. Кто организовывал поставку продовольствия на практике? Представители ООН, Красного Креста. Военные не могли связаться с ними по телефону, потому что не было такой технической возможности. Они не могли звонить на гражданские номера телефона, что, по их мнению, было неразумно. Мне никогда не приходило в голову, что взаимодействие на низовом уровне настолько затруднено. Мне было интересно, почему так сложно координировать действия, а объяснение совсем простое: нельзя поговорить по телефону. Я бы никогда это не узнала, если бы не личные разговоры с людьми в Вашингтоне. Так что меня один за другим поджидали неожиданные сюрпризы. Мне это очень нравилось.

И.И.: *В нашем разговоре Вы неоднократно упоминали Всемирный банк, ООН, ЮНЕСКО, МВФ. Значительная часть Ваших исследований посвящена международным организациям. Однако в настоящее время в их адрес звучит много критики, и должен сказать, особенно много из Вашей страны. Похоже, международные организации переживают трудные времена. Насколько международные организации в их нынешнем состоянии остаются востребованными? Не стоит ли их чем-то заменить? Может быть, мы должны их полностью ликвидировать?*

М.Ф.: Прекрасный вопрос. Чтобы ответить на него, я попытаюсь поставить себя на место политических деятелей, в первую очередь американских политиков. Проблема заключается в том, что даже если вам не нравится МВФ, новый финансовый кризис произойдёт в любом случае. Как вы с ним справитесь? Трудно будет создать новый МВФ с нуля. Не факт, что вам действительно удастся убедить все страны подписать соглашение так же, как и в 1944 году, когда была основана упомянутая организация. И я не знаю, получится ли это в 2019 году. Подозреваю, что нет. Станет ли ваша работа проще от того, что вы избавитесь от МВФ? Для меня это неочевидно.

Я думаю, наоборот, станет труднее. Поэтому моё предположение заключается в том, что мы по-прежнему будем слышать массу жалоб, будут попытки реформирования, но от этих организаций просто трудно отказаться. Если США устранятся от участия и выйдут из их состава, организации столкнутся с серьёзными трудностями, но я также не уверена, что американцы получат что-либо от такого шага, как тогда они будут решать проблемы. Эти институты создавали американцы. Так что по иронии судьбы они жалуются на организации, которые сами формировали. Это, конечно, меня не слишком удивляет.

Однако хотя инструменты не идеально подходят для выполнения поставленных перед ними задач, на мой взгляд, других инструментов нет, как нет и способа создать инструменты, которые будут сколько-нибудь полезными для решения наших проблем. Есть попытка расширить полномочия «группы двадцати», однако «группа двадцати» не в состоянии выполнять множество функций, которые лежат на МВФ. В частности, она не намерена решать проблемы бедных стран, которыми способны заниматься только большие организации.

И.И.: *В начале разговора мы упоминали о завершении «холодной войны», которое сопровождалось исчезновением множества международных институтов, таких как Совет экономической взаимопомощи или Организация Варшавского договора. Это напрямую было связано с ослаблением и распа-*

дом Советского Союза. Насколько сильно существующие международные организации зависят от США? Вы говорили о том, что США зависят от них, что важно в контексте утверждения о том, что Соединённые Штаты в будущем не будут такими могущественными, как раньше.

М.Ф.: Если американское могущество резко уменьшится, а могущество Китая, России, кого бы то ни было ещё резко возрастёт, эта страна может решить организовать мир совершенно иным образом. Сложно предсказать, как будут выглядеть организации, не зная, какая страна станет могущественной.

Что делает Китай по мере роста своего могущества? Он основывает новые международные организации. Я с большим интересом слежу за этим. Уже есть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который конкурирует со Всемирным банком. Развивающимся странам никогда не нравились условия получения займов, которые выставляет Всемирный банк. Новый китайский банк не ставит условий, но причина, по которой Всемирный банк ставит свои условия бедным странам, – убеждённость в том, что только они гарантируют возврат кредитов. АБИИ создан совсем недавно, и пока неясно, вернёт ли он себе вложенные средства. Я не знаю точно, какую модель используют китайцы, чтобы обеспечить возврат кредитов новому банку его должниками. Управление кондициональностью и отношения с заёмщиками сложны для Всемирного банка. Не знаю, какой будет китайская стратегия. Пока я не увидела такой стратегии.

Всемирному банку понадобилось время, чтобы прийти к решению о разработке системы условий для обеспечения возврата инвестиций. Посмотрим, не исключено, что со временем китайский банк в стремлении вернуть выданные должникам кредиты станет больше похож на американские организации. А может быть, китайцы решат: «Нет, мы хотим давать гранты. Мы будем просто раздавать деньги». Это совершенно иная модель. Не знаю, захотят ли граждане Китая раздать все эти деньги иностранцам. Возможно, они предпочтут использовать их для собственных нужд. Но я оставляю китайским исследователям расчёты того, как стоит действовать Китаю в этой ситуации.

И.И.: *Мы уже говорили о том, что сильная сторона конструктивизма состоит в объяснении эндогенного характера изменений. Однако Ваше новое исследование посвящено сфере, в которой масса изменений экзогенного характера, – киберпространству. Многие говорят, что ввиду технологических изменений уроки прошлого из других сфер неприменимы к киберпространству, поскольку оно совершенно иное, чем традиционные сферы взаимодействия. Как Вы отвечаете на подобную критику и считаете ли Вы допустимым использовать исторические знания для объяснения происходящего в киберпространстве?*

М.Ф.: Думаю, да, но с ограничениями. На мой взгляд, технологические изменения не носят полностью экзогенный характер для социальных отношений, ведь для того, чтобы они произошли, необходимы определённые благоприятные условия. Правительства легко могут их устранить – и напротив, санкционированный государством режим позволяет создать возможности для роста технологических инноваций. Государства могут поддержать проведение исследований и помогать иным образом. Поэтому технологические изменения не носят исключительно экзогенный характер. Они происходят из желаний государств и других исследователей сформировать эти изменения.

Мне кажется, исследователям есть что рассказать по этому вопросу, здесь есть предпосылки для глубокого исследования того, как выбор государств, какие структуры создавать, чтобы стимулировать развитие технологий или, наоборот, создавать ограничения, влияет на те технологии, которые мы получаем и которые мы ежедневно носим в своих карманах. Изменения не носят исключительно экзогенный характер. Правительства легко могут сдерживать ряд технологий. Например, в сфере

биотехнологий было много ограничений до тех пор, пока в Китае не родились CRISPR-дети[9]. Хотя китайское общество довольно строго регулируется, скрыть это не удалось.

Другой пример, где мы встречаем существенные инновации, – это финансовые инструменты и экспансия мирового капитализма. Финансовый сектор разработал новые инструменты для организации движения капитала. Всё необычайно быстро меняется, скорость транзакций поразительна. Перед нами ещё одна разновидность технологий, хотя мы занимаемся этим уже сто лет. Я всегда с недоверием отношусь к заявлениям о том, что мы никогда раньше не видели подобного рода технологических трансформаций в прошлом. Иногда это действительно так. У нас никогда раньше не было ядерного оружия. В то же время есть множество вещей, которые кажутся новыми на первый взгляд, но если присмотреться, окажется, что назвать их совершенно новыми нельзя. В этой связи мне хотелось бы больше размышлять о том, что в прошлом может быть полезным для понимания изменений, которые мы наблюдаем сегодня.

И.И.: *Профессор Финнемор, огромное спасибо за время и внимание, которые Вы уделили нашим читателям. Благодарю Вас за это интервью.*

М.Ф.: Спасибо Вам.

[9] Имеются в виду младенцы с изменёнными генами, родившиеся в конце 2018 года. Эксперимент поставил китайский биолог Хэ Цзянькуй из Южного университета науки и технологии в Шэньчжэне. CRISPR – короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами.